

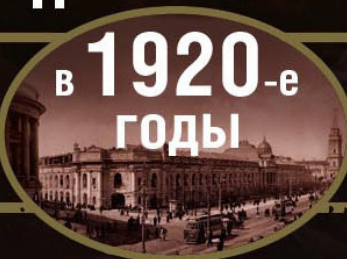
ОБАЯНИЕ ПОРОКА

ПАГУБНЫЕ СТРАСТИ
НАСЕЛЕНИЯ
ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА

УЛЬЯНОВА С.Б.

В 1920-е
ГОДЫ

СИДОРЧУК И.В.

Светлана Ульянова

**Пагубные страсти населения
Петрограда–Ленинграда в
1920-е годы. Обаяние порока**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

Ульянова С. Б.

Пагубные страсти населения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы. Обаяние порока / С. Б. Ульянова — «Центрполиграф», 2020

ISBN 978-5-227-08873-4

Поведение, не принимаемое обществом или законом, существует в любом социуме. Проблемы наркомании, алкоголизма, проституции и прочие пагубные страсти являются частью массовой культуры и предметом научного изучения. Книга посвящена асоциальным и нетрадиционным формам свободного времяпрепровождения жителей Петрограда—Ленинграда в 1920-е годы. Этот период выбран не случайно. На смену Гражданской войне, «красному» и «белому» террорам, голоду и эпидемиям сыпного тифа, повлекшим за собой гибель миллионов человек, в марте 1921 г. пришла новая экономическая политика — НЭП, существенно повлиявшая на культуру... Книга напитана текстами того времени, чтобы полнее передать «дух эпохи», дать читателю «услышать» голоса современников описываемых событий. Авторам привлекала не столько борьба с теми или иными общественными пороками, сколько характер их распространения в досуговой сфере, мотивация потребителей различных видов девиантного досуга и инфраструктура его предложения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08873-4

© Ульянова С. Б., 2020

© Центрполиграф, 2020

Содержание

Введение	9
От аристократических салонов до деревенской избы: истоки девиантного досуга петроградцев	13
«Кабацкие нравы»	15
Хулиганство – «наносная эпидемия озорничества подонков общества»	20
«Являются исключительно притоном для непотребства»	23
«Спортивный» клуб	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Светлана Ульянова, Илья Сидорчук
Пагубные страсти населения Петрограда –
Ленинграда в 1920-е годы. Обаяние порока

ОБАЯНИЕ ПОРОКА

© Ульянова С.Б., Сидорчук И.В., 2020
© «Центрполиграф», 2020

Девиантное поведение, не принимаемое обществом или законом, существует в любом социуме. Проблемы наркомании, алкоголизма, проституции и т. п. постоянно обсуждаются политиками, журналистами, социологами, педагогами, являются частью массовой культуры и предметом научного изучения.

Книга посвящена асоциальным и нетрадиционным формам свободного времяпрепровождения жителей Петрограда-Ленинграда в период военного коммунизма и нэпа. Авторы акцентируют внимание не столько на борьбе с теми или иными общественными пороками, сколько на их распространении в досуговой сфере, на мотивации потребителей различных видов девиантного досуга и на инфраструктуре его предложения.

Применительно к 1920-м гг. актуальным является исследование наркомании, хулиганства, участия в религиозных обрядах, азартных игр, пьянства и проституции. Эти практики оказывали существенное влияние на культуру эпохи, выражали стремление к сопротивлению доминирующей идеологии, в определенной степени формировали структуры повседневной жизни горожан.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 16–31 00017 «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»).

Рецензент – д-р. ист. наук В.С. Измозик.

Введение

«Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории», – писал в начале XX в. французский социолог и криминолог Г. Тард¹. Неотъемлемой составляющей любого общества, любой страны и исторической эпохи является отклоняющееся поведение, однако «набор девиаций» и отношение к ним общества варьируется в разных культурах и эпохах². Сегодня проблемы наркомании, алкоголизма, проституции и т. п. постоянно обсуждаются политиками, журналистами, социологами, педагогами, являются частью массовой культуры и предметом научного изучения. Однако, какие бы усилия ни предпринимались, какие бы идеологические, религиозные, законодательные ограничения ни вводились и как бы строго они ни соблюдались, социальное зло невозможно искоренить. Пусть и не все, но многие не представляют свою жизнь без экстремальных, аморальных, пагубных для себя, а иногда и для общества развлечений и занятий. Ученые склоняются к выводу, что единственно верным способом борьбы с ними являются не полный запрет, а комплексное изучение, понимание и, в определенной степени, допущение.

Эпоха торжества консьюмеризма, массового потребления, превращение западной цивилизации в «цивилизацию досуга», рост свободного времени и доходов заставляют экономистов, социологов, психологов, философов и, конечно же, историков обращаться к изучению досуга. До эпохи модерна общественная мысль сходилась на том, что легитимное потребление трудящихся должно быть сведено к поддержанию скромного уровня жизни. Возможность потреблять больше исключалась: считалось, что она ведет к пьянству, распутству и т. п. Эти пороки оставались на долю «праздного класса». Но в первой половине XX в. в индустриальном мире произошел культурный переворот, связанный с уменьшением продолжительности рабочего дня, введением еженедельных выходных, оплачиваемых отпусков и пенсий по старости. Появилась «обязанность ничего не делать», а это означало свободу существования для себя, возможность наслаждаться жизнью. Правда, научиться это делать оказалось непросто.

Узнать о том, как люди прошлого проводили свое свободное время, безусловно, интересно. Причем не только профессиональным ученым, но и простым читателям. Нередко это может стать ключом к пониманию эпохи или исторического персонажа. Разве наше представление о времени Петра Первого будет полным без информации об ассамблеях или «Всешутейшем, всепьянейшем и сумасброднейшем соборе»? И можно ли погрузиться в атмосферу «золотого века русской литературы» без описания балов, театров, карточной игры и охоты?

Эпоха 1920-х гг. выбрана нами неслучайно. На смену Гражданской войне, «красному» и «белому» террорам, голоду и эпидемиям сыпного тифа, повлекшим за собой гибель миллионов человек, в марте 1921 г. пришла новая экономическая политика – нэп. Частичный возврат к капитализму, «торговый ренессанс», нормализация отношений между городом и деревней позволили восстановить страну и начать решать не только задачи выживания, но и расходования свободного времени и денег. В Петроград, в котором к окончанию Гражданской войны оставалось 700 тыс. жителей (к началу 1917 г. их было около 2,5 млн), вернулись клубы, роскошные рестораны, пивные. Пусть с 1918 г. он и не являлся столицей, но оставался культурным, научным и промышленным центром. Население стало быстро расти, становилось еще более гетерогенным. Петроград, переименованный после смерти В.И. Ленина в 1924 г. в Ленинград, служил местом жизни, работы и развлечений представителей разных слоев общества, разной культуры, идеологической ориентации и уровня образования. Вчерашние аристократы в резуль-

---

¹ Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.

² Термин «девиантный» происходит от латинского *deviatio* (отклонение) и в современных социальных и гуманитарных науках используется для обозначения поведения человека, не соответствующего нормам закона или обычая.

тате политики «уплотнения жилплощади» могли делить коммунальные квартиры с выходцами из деревни или потомственными пролетариями, переселившимися с окраин в центр. Пламенные большевики с безжалостными глазами, прошедшие колчаковский или денкинский фронт, ездили в одних трамваях с напуганными происходившими переменами «колюшками» – мешанами-обывателями. Отбросившие старые нормы морали рабфаковцы и «красные студенты» гуляли в садах и парках и презрительно смотрели на ухоженных барышень. А часто не всегда законно скопившие капиталы нувориши-нэпманы кутили в одних ресторанах с «онэпившимися» партийцами и растратчиками казенных денег.

«Коммунизм – могила проституции» – гласил один из раннесоветских плакатов. Когда мы говорим о девиантном досуге в 1920-е гг., нельзя забывать о том, что пришедшие к власти большевики хотели не только мировой пролетарской революции, но и формирования нового – советского – человека. Многие из того, что было нормой еще вчера, сегодня объявлялось «пережитком», той самой девиацией, о которой мы пишем³. Если до революции ходить в церковь и исполнять церковные ритуалы, отмечать Пасху и Рождество было обязательным и само собой разумеющимся, то в 1920-е гг. это стало высмеиваться, а государственная пропаганда стремилась представить верующих как неграмотных аутсайдеров. Большевики запретили проституцию, легальную при царизме, до 1924 г. действовал «сухой закон», запрещавший продажу крепкого спиртного. С другой стороны, после революции нравы стали гораздо более свободными, исчезли многие моральные запреты в сфере сексуальных отношений. В связи с этим городской мир 1920-х гг. представлял собой причудливый коктейль из старого и нового, пограничье, когда в одном пространстве сосуществуют люди абсолютно разных взглядов на то, что такое хорошо и что такое плохо⁴.

Огромное число образов и устойчивых выражений, связанных с пьянством, кутежом, азартными играми и т. п., пришло к нам из этого яркого, уникального и эффектного периода. Кто не слышал про монтера, «измученного нарзаном» из «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова? А как ярко характеризует разгульную жизнь бюрократов-растратчиков отчаянный призыв Адама Козлевича из «Золотого тельца» тех же авторов: «Повезу даром! Пить не будете? Голые танцевать не будете при луне? Эх! Прокачу!». Не так широко известны, но не менее яркие и визуальные образы того времени, запечатленные в художественных фильмах «Катя – бумажный ранет», «Третья Мещанская», «Луна слева», «За ваше здоровье», «Москва кабацкая» и др.

Наша книга посвящена асоциальным и нетрадиционным формам свободного времяпрепровождения жителей Петрограда-Ленинграда в период нэпа. В процессе работы над нею нас привлекала не столько борьба с теми или иными общественными пороками, сколько характер их распространения в досуговой сфере, мотивация потребителей различных видов девиантного досуга, инфраструктура его предложения. Данное издание является итогом трехлетнего проекта авторского коллектива⁵ «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

---

³ Согласно теории стигматизации Г. Беккера, общество «вешает» на отдельных людей клеймо, а это, в свою очередь, усиливает девиантность (Becker H. *The Outsiders*. London; New York: Collier-Macmillan Free press of Glencoe, 1963. P. 8–9). Жестокий город сам создавал девиантов, не давая шансов воришке-беспризорнику стать законопослушным гражданином, а девушке-проститутке вернуться к нормальной жизни. Оказавшись на дне, они вынуждены были там и оставаться, формируя свои субкультурные практики, пугающие обывателя.

⁴ В этой книге мы не пишем о российской деревне 1920-х гг., где также произошли кардинальные перемены. Однако в сфере досуга деревенское общество оказалось гораздо более привержено традиции, а изредка появлявшиеся новые развлечения представляли собой или городские заимствования, или результат усилий партийно-государственной политики по насаждению нового быта.

⁵ Мы начинали этот проект совместно с Н.В. Офицеровой, безвременная смерть которой стала большой утратой.

Влияют ли эпоха, политические и социально-экономические условия на рост девиаций, и можно ли назвать Петербург–Петроград–Ленинград некой аномалией? Автор первой развернутой теории девиации французский социолог Э. Дюркгейм полагал, что преступность является «неотъемлемой частью всех здоровых обществ»⁶, нормой, ее нельзя искоренить, можно лишь добиться ее снижения до некоторого приемлемого уровня. Это осуществимо только в стабильном обществе, тогда как в условиях социальных изменений и дезорганизации наблюдается состояние аномии. Оно характеризуется ситуацией «конфликта норм» или «нормативного вакуума», когда старые нормы уже не работают, а новые находятся еще в процессе создания и абсорбции обществом. Также он указал на то, что девиантное поведение может быть лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит.

На первый взгляд, революция 1917–1922 гг. стала решительным разрывом с прошлым. Однако в досуговой сфере, как во многих других областях общественной жизни, сохранялась преемственность между старой и новой Россией. Поэтому истоки нэповской модели свободного времяпрепровождения стоит искать в повседневной жизни города на Неве позднимперского периода. Начиная со второй половины XIX в. население столицы быстро росло, она богатела, стала крупным промышленным центром. Петербург с полным правом можно было назвать городом контрастов. Существовал досуг аристократов – балы, рестораны, театры, спорт и проч. Европейски ориентированная элита охотно и быстро перенимала новые западные веяния и свободное время проводила так же, как социальная верхушка Парижа, Лондона, Берлина или Вены. Параллельно на стремительно растущих рабочих окраинах царил свой досуг – грубый, некультурный, досуг вчерашних жителей деревни, с трудом адаптировавшихся к городским условиям. Память об этом была еще жива спустя десятилетие после революции, и в 1920-е гг., в условиях только начавшей формироваться советской досуговой культуры, ориентиром для жителей города, как бедных, так и богатых, зачастую служили примеры из прошлого. Нэпманы пытались копировать отдых дореволюционного купечества, пролетарские писатели и поэты – привычки дореволюционной богемы, а грубые развлечения рабочих оставались частью установившейся раньше традиции.

У девиантного досуга была своя топография. Большой город – место, где притон может соседствовать рядом с музеем, а пивная находиться напротив вуза. Он может восприниматься как «культурная столица», а может стать «городом грехов». Куда устремлялись горожане в поисках противозаконных или морально осуждавшихся развлечений? Это были не только клубы, казино, подпольные притоны и дешевые пивные, но и улицы, сады и парки, коммунальные квартиры и студенческие общежития, заводские цеха и даже церкви. Какие районы считались наиболее опасными и где попасть под обаяние порока было проще? Какие значные места были наиболее известными? Это и культовый Владимирский клуб, где нэпманы и растратчики казенных денег прожигали состояния, и не менее знаменитая своей шпаной Лиговка (как писал в 1924 г. В. Каверин, «единственная улица, сохранившая в неприкосновенности свои знаменитые притоны»), и, конечно же, Невский проспект (в описываемый период – проспект 25-го Октября), где без труда можно было найти доступную ярко окрашенную барышню, продающую себя ради очередной понюшки кокаина.

Наиболее распространенным в 1920-е гг. видом девиантного досуга, которому подвержены были все слои населения, оставалось пьянство. После разрешения свободной продажи водки в 1924 г. оно вышло из подполья и вновь заполонило город ресторанами и пивными. Широко распространены стали и такие формы свободного времяпрепровождения, как обращение к услугам проституток, хулиганство, азартные игры, употребление наркотиков. Уникальность эпохи при этом проявлялась в том, что к отклоняющемуся поведению существующая

---

⁶ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории): сб. ст. М., 1966. С. 39–40.

идеологическая система относилась к вещизму, использованию декоративной косметики, молодежные вечеринки, «буржуазные» танцы (фокстрот или тустеп) и т. п.

Борясь с девиантным досугом, власть пыталась вытеснить его из социального пространства города, заместить досугом «культурным». Большевики объявили безжалостную борьбу с «пережитками прошлого», вводя уголовную ответственность за сводничество и самогонование, создавая центры для перевоспитания беспризорников и проституток, устраивая показательные суды над растратчиками и хулиганами. Параллельно они делали все возможное для воспитания в обществе любви к «правильному», с их точки зрения, досугу. Устраивались клубы для рабочих, библиотеки, лекции, экскурсии, пропагандировались занятия физкультурой и спортом, посещение театра, самообразование. В прессе разворачивались кампании по привлечению рабочих к трезвому образу жизни, по борьбе с религиозными предрассудками, по внедрению новых бытовых практик.

Наше исследование опирается на широкий круг опубликованных и архивных источников. Для получения комплексной картины развития девиантного досуга в Петрограде–Ленинграде исследовались материалы городских и центральных архивов, нормативные и законодательные источники, центральная, региональная и заводская пресса, научно-популярная и специализированная научная литература. Мы стремились напитать книгу текстами того времени, чтобы полнее передать «дух эпохи», дать читателю «услышать» голоса современников описываемых событий. Существенным дополнением стали художественные произведения периода – литература, живопись, кино. Разумеется, привлекались результаты ряда других исследователей повседневности 1920-х гг.

Мы надеемся, что книга сможет дополнить ряд исследований по истории повседневности, истории простых людей, позволяющих не только посмотреть на ту или иную эпоху с нового ракурса, но и сделать ее доступной и интересной более широкому кругу читателей, нежели круг профессиональных историков.

От аристократических салонов до деревенской избы: истоки девиантного досуга петроградцев

Молодой, но наделенный столичным статусом Санкт-Петербург в глазах тысяч жителей сермяжной России был символом правления «царя-антихриста» Петра I. Пожалуй, нет в России другого города, которому с таким упорством предсказывали «быть пусту», посвящали проклятия и пророчества. Для традиционного, консервативного сознания он стал местом концентрации греха – здесь курили табак, женщины посещали ассамблеи наравне с мужчинами, жители носили «немецкое платье» и строились «басурманские» церкви. Таким образом, Петербург сам по себе изначально являлся девиацией, выпадал из культурной традиции, представлял некоей этической аномалией на карте страны.

Со временем город хорошел, привлекая все новых и новых жителей. К началу XX в. это крупный мегаполис (по числу жителей – 1,4 млн чел. – пятый в Европе после Лондона, Парижа, Берлина и Вены), политический, экономический, научный, культурный и промышленный центр огромной империи. Это город чиновников, военных, заводских рабочих, и у каждой группы населения были свои привычки, свои занятия, свои доходы. И свой район обитания. Городское пространство достаточно четко делилось на центральную часть (Невский проспект, прилегающие к нему улицы и набережные) – место сосредоточения правительственных учреждений, правлений банков и контор крупных промышленных компаний – и рабочие окраины, кольцом охватывавшие центр (Выборгская сторона, Нарвская, Невская и Московская заставы).

При этом социальные контрасты были заметны всюду: шикарные отели соседствовали с публичными домами, изысканные рестораны – с дешевыми грязными кабаками, фабричные казармы – с народными домами. «Приличные» барышни ходили в «Пассаж», где в это же время больные сифилисом проститутки искали клиентов, а в нескольких минутах ходьбы от Гостиного двора находился Апраксин рынок, «брюхо Петербурга», пристанище мошенников и нищих. Город предоставлял массу возможностей для культурного досуга: в нем были театры, музеи, библиотеки, катки, цирк и даже зоосад. Но многих неизменно манил досуг запретный или по крайней мере осуждаемый: кутежи, дорогие продажные женщины, дебоширство, карты, тотализатор и все прочее, что шло вразрез с обывательской моралью или законом. С одинаковой страстью и самоотдачей под обаяние порока попадали заводские рабочие и гвардейские офицеры, мужчины и женщины, русские и иностранцы, коренные жители столицы и вчерашние провинциалы, выпускники университета и неграмотные крестьяне.

Петербург как место процветания всевозможных человеческих пороков – распространенный в литературе и публицистике периода заката империи образ. Он присутствует как в консервативной, так и в либеральной прессе. Вековые нормы морали и нравственности, традиции и стандарты в предреволюционный период все чаще подвергались критике и переоценке, а политическая нестабильность, расшатывавшая монархию, лишь способствовала этому. Творческая элита «серебряного века» не боялась шокировать публику новыми идеями как технического, так и морального характера:

*Стрёмкот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров!*

(И. Северянин)

Своеобразным утешением могло служить только то, что Петербургу все еще далеко было до таких мировых центров безнравственности, как Париж или Гамбург. Он моложе, поэтому многие девиантные субкультуры в нем еще только начинали складываться, а быстрый рост населения обеспечивал постоянный прилив носителей других ценностей, которым нужно было время на адаптацию к жизни в столице.

Те пороки, о которых речь пойдет в основной части книги, посвященной 1920-м гг., корнями восходят к предреволюционному периоду. Пьянство, хулиганство, проституция, наркомания и азартные игры – все это являлось частью досугового ландшафта Петербурга задолго до переломного 1917 г.

«Кабацкие нравы»

С конца XIX в. в столице, как и во всей стране, резко обострились классовые противоречия. Крайне болезненным стал так называемый «рабочий вопрос», связанный с неконтролируемым ростом пролетарского населения, не обеспеченным соответствующей жилищной и социальной инфраструктурой. Американский социолог Р. Мертон рассматривал социальные условия как главную причину девиантного поведения⁷. По его мнению, напряжение, вызванное жесткостью классовой структуры, ситуацией неравных возможностей и несправедливости, закономерно приводит к девиантному поведению представителей ущемленных слоев. С этим утверждением явно коррелирует распространенная в западной историографии мысль о том, что девиантное поведение часто является протестом против жестких политических или социальных рамок. В частности, хулиганство, неповиновение рабочих, нарушение ими правил внутреннего распорядка на фабрике или в казарме (то, что немецкий историк А. Людтке назвал «своеволием») помогали им порвать узлы покорности и почтительности, навязываемые традиционными социальными институтами. Имущественное неравенство, низкий социальный статус также порождали протест, зачастую выражавшийся в девиантных практиках⁸.

К девиантному поведению подталкивал и социокультурный раскол, характерный для имперской России. Как показал американский криминолог Т. Селлин, ситуация, когда представители разных культур попадают в одну среду, часто приводит к столкновениям⁹. В частности, нормы крестьян, недавно переехавших в город, были иными, чем у коренных горожан. Именно это стало основной причиной распространения городского хулиганства в дореволюционной и постреволюционной России¹⁰.

До революции определенные формы девиантного досуга были свойственны всем слоям городского населения, но их распространение сдерживалось властью, администрацией предприятий и учреждений, профессиональными корпорациями. В то же время неумеренное потребление алкоголя в определенные дни, драки «стенка на стенку», обращение к услугам проституток или сексуальные домогательства к фабричным работницам считались простительными, особенно для молодых несемейных мужчин. Преследовались властью только те формы девиантного досуга, которые были связаны с политической активностью (маевки, демонстрации и т. п.) или угрожали общественному порядку.

Те или иные виды девиантного досуга сохранялись в городском сообществе в силу традиционности. Прежде всего речь идет о пьянстве. Как писал современник, «в Петербурге есть такие закоулки, где в иной, особенно радостный праздник трудно встретить трезвого человека. Все пьяно, и главное, без стеснения и церемоний лезет на глаза, галдит, шумит и дебоширствует, дико бравируя своей хмельной срамотой, от степени искусного сокрытия которой зависит в сущности разница репутации в данном случае высших и низших классов»¹¹.

Известно, как сильно и подолгу пили купцы. Закоренелыми пьяницами нередко становились и аристократы. Случалось, что представители интеллигенции также заканчивали свою карьеру в кабаках¹².

---

⁷ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

⁸ Rojek C. Decentring leisure. Rethinking leisure theory. London: SAGE Publication, 1995. P. 100.

⁹ Vito G.F., Maahs J.R., Holmes M.R. Criminology: Theory, Research, and Policy. Jones & Bartlett Learning, 2006. P. 217–218.

¹⁰ Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // Slavic Review. Vol. 37, No. 2 (Jun., 1978), P. 228–240. С. 232; Hatch J. Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928 // The Russian Review. Vol. 53, No. 1 (Jan., 1994). P. 114.

¹¹ Михлевич В. Исторические этюды русской жизни. Т. 2. СПб., 1882. С. 450.

¹² Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005. С. 488.

Пьянство стало типичным атрибутом военных, своими достижениями в попойках гордившихся не менее, чем участием в баталиях. К ним и к «золотой молодежи» относился лозунг «Vivons, dansons et aimons» («Пьем, танцуем и любим»). И купцы, и brave вояки, и юнцы, прожигавшие фамильные состояния, были завсегдатаями многочисленных ресторанов. Так, в «Марьиной роще», подальше от города, на 4-й версте Петергофского шоссе развлекалось преимущественно купечество. Сравнительно недалеко, на 10-й версте, был легендарный «Красный кабачок», где еще молодой А.С. Пушкин, по его собственному признанию, дрался с немцами. «Кюба» на Большой Морской, 16 ждал исключительно аристократов и балетоманов. Именно здесь Матильда Кшесинская однажды устроила прием для всех танцовщиц Мариинского театра¹³.

Неумеренное потребление алкоголя было свойственно и рабочему классу. На то было несколько причин. Во-первых, число рабочих стремительно росло. После отмены крепостного права и начала индустриализации в Петербург хлынули вчерашние крестьяне. По сословной принадлежности более половины петербуржцев относилось к крестьянам. Множество обитателей окраин приехали из Новгородской, Псковской, Петербургской, Тверской, Ярославской, Смоленской и др. губерний. В основном это были молодые бессемейные мужчины. Их доход от работы на фабрике был больше, чем они могли заработать в деревне, но алкоголь являлся едва ли не единственным способом быстро отдохнуть и расслабиться после многочасовой однообразной физической работы. Досуг такого «фабричного крестьянина», еще не порвавшего окончательно с деревней, был примитивен, его олицетворял трактир или кабак.

Еще одну причину развития пьянства принято видеть в распаде прежнего уклада жизни. Городской воздух – это воздух свободы. Он пьянит и веселит сам по себе, а алкоголь делает это чувство более острым и насыщенным. В мегаполисе ты одинок, но зато никто не следит за каждым твоим шагом, не учит жизни, не осуждает за то, что ты не живешь так, «как заведено».

Способствовала росту пьянства и винная монополия, введенная в 1897 г. «Казенки», как называли винные лавки, торговавшие водкой, приносили огромные прибыли государству, но делали потребление спиртного более массовым и будничным. «Красенькая» (водка более низкой степени очистки, стоившая 40 копеек) и «беленькая» (в полтора раза дороже, лучшего качества) свои названия получили по цвету пробок. В «казенках» продавались «четверти» – бутылки емкостью четверть ведра (3 л)¹⁴, «сороковки» (0,3 л), «сотки» (0,2 л) и «мерзавчики» (0,06 л за 4 копейки). По воспоминаниям Д.А. Засосова и В.И. Пызина, «в лавке было тихо, зато рядом на улице царило оживление: стояли подводы, около них извозчики, любители выпить. Купив посудинку с красной головкой, они тут же сбивали сургуч с головки, легонько ударяя ею о стену. Вся штукатурка около дверей была в красных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка, выпивали из горлышка, закусывали или принесенным с собой, или покупали здесь же у стоящих горячую картошку, огурец»¹⁵.

О Петербурге как месте спаивания простого народа можно судить по ходившей среди обывателей песенке:

*Четвертная – мать родная,
Полуштоф – отец родной,
Сороковочка – сестрица
Научила водку пить,
Научила водку пить,*

---

¹³ Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 2003. С. 178.

¹⁴ Уже в 1920-е гг. один из героев М. Зощенко хвалился тем, что в молодости мог «свободно четверть выкушать».

¹⁵ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. СПб., 1999. С. 122.

*Из Питера домой ходить*¹⁶.

Большинство рабочих проводило свой досуг в трактирах. Там они могли пообщаться за выпивкой и едой, там отвлекались от тягот заводской жизни. И пропивали большую часть получки. Трактирный досуг был тем более популярен, что большинство рабочих не имело своего угла. Как показывают материалы обследований рабочих жилищ, на рубеже XIX–XX вв. на одного человека в среднем приходилось от четверти до трети кв. саж. площади (1,1–1,5 кв. м), а в каждой комнате в квартирах размещалось до 20 человек. Естественно, живя в перенаселенных фабричных казармах (где запрещалось иметь даже собственный самовар) или угловым жильцом в перенаселенной квартире, человек в свободное время «пойдет в кабак, пойдет к знакомым, пойдет во двор. Только, наверное, не останется в своем жилище, где ему предоставляется ровно столько места, сколько нужно, чтобы лежать»¹⁷.

Неустроенность и скученность на небольшом пространстве лиц разного пола и возраста, не связанных родством, находящихся вне привычного контроля деревенского сообщества, негативно сказывались на нравах и досуговых привычках рабочих. Именно там процветали не только пьянство, но и хулиганство, страсть к азартным играм, сексуальная распущенность и т. п.

Праздничный или воскресный день рабочего был немислим без водки, но и в будни алкоголь постоянно присутствовал в пространстве предприятия. Прежде всего это связано со сложившимися обычаями «замочки машин», «спрыска», «магарыча» и т. п. «Спрыски» сопровождали все мало-мальски значимые события в жизни рабочего – от первой зарплаты, которую полагалось пропить, до перевода на новый станок, повышения в разряде и т. п. Именно так молодые рабочие и делали первый шаг к систематическому пьянству. Исследователь повседневных промышленных практик начала XX в. Н.С. Полищук обоснованно видит в них трансформацию старых крестьянско-ремесленных традиций¹. В жизни крестьянского мира любое важное событие должно было получить санкцию общины. То же можно сказать и о мастерах начала XX в., которые во многом продолжали оставаться коллективной личностью, частью «рабочей семьи». Совместная выпивка в этом контексте превращалась в ритуальное одобрение каждого шага на жизненном пути рабочего. Стоит отметить, что девиантный досуг играл важную коммуникативную роль: помогали устанавливать внутризаводскую и казарменную иерархию, сплачивали трудо-бытовые коллективы, способствовали разрешению конфликтов, канализировали молодежную агрессию.

Запойное пьянство стало характерным признаком петербургских мастеровых. Один врач писал: «Нам не очень редко попадались лица, которым в день выпить 1–2 бутылки водки нипочем – и они даже за трезвых и степенных людей слывут... Другие работают всю неделю, не беря в рот ни одной капли водки; но зато в утро праздника – они пьяны. Третьи месяцами в рот водки не берут, но если запьют, то обыкновенно допиваются до „белой горячки“»^{18 19}.

Картина народного пьянства представлялась драматичной еще бытописателям 1860-1870-х гг. Известный журналист и публицист В.О. Михневич подробно остановился на ней в книге «Язвы Петербурга» – одном из лучших источников по истории «темной стороны» жизни Петербурга: «В воскресенье пьянство продолжается, и ошалевший от него рабочий не успевает отрезвиться и в понедельник, который, поэтому, посвящается „опохмелению“ и име-

---

¹⁶ Курукин И.В., Никулина Е.Л. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 297.

¹⁷ Покровская М. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. Отд. 2. С. 19–20.

¹⁸ Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 115.

¹⁹ Курукин И.В., Никулина Е.Л. Повседневная жизнь русского кабака... С. 298.

нуется в доморощенном календаре, не без юмора, „маленьким воскресеньем“. Это – характерная сделка с совестью. Пьянство в воскресный день рабочий считает делом естественным и законным, видит в этом как бы свое право, добытое мозольным трудом, но понедельничное похмелье лежит уже на его совести и – вот, чтобы обмануть ее, он сочиняет продолжение праздничного дня под названием „маленького воскресенья“. <...> Неумение пить ведет нередко к тому, что рабочий беспросыпно „запивает“ и пьянствует до тех пор, пока не спустит в кабак все, что имеет, чуть не до последней рубахи. Ни долг семьянина перед женой и детьми и никакие другие обязательства самой первостепенной важности его не сдерживают. Все идет прахом в этом пароксизме безумия. И такова нравственная зыбкость и бесхарактерность рабочего в большинстве случаев, что он сам не знает, как и когда приключится с ним этот бешеный пароксизм, а если и знает и сознает его губительность, то решительно не имеет воли обуздать себя. Как ребенок, он в этих случаях нуждается в посторонней опеке и охотно ей подчиняется. Таковую опеку берут на себя обыкновенно матери, жены, дети у рабочих семейных. В Петербурге весьма обыденна такая картина: в расчетные дни, преимущественно по субботам, у фабрик и ремесленных заведений, где-нибудь у ворот, на дворе или на лестнице, к тому часу, когда рабочие оканчивают занятия и получают заработок, собираются группы женщин и ребят, с озабоченными, тревожными лицами, и терпеливо, иногда на жестоком холоде, напр., зимою, топчутся на одном месте несколько часов. Это – все матери, жены и иные родственницы рабочих, согнанные сюда страхом, что их „кормильцы“, получив заработок, неровен час – „запьють“ и оставят их голодать. И вот они их подстерегают с тем, чтобы отвести домой, точно выпущенных из пансиона малолетков, и во всяком случае отнять у них заработанные деньги или хотя часть их. Происходит грустно-комическая сцена. Женщины бросаются на рабочих, тащат их за собой и настойчиво требуют выдачи заработка, а если те упираются или стараются утаить часть денег – без церемонии выворачивают у них карманы и производят обыск. Обыкновенно рабочие добродушно покоряются этой родственно-полицейской феруле, в сознании, что без нее им трудно было бы устоять против искушения и не „запить“, очертя голову»²⁰.

Главная причина пьянства рабочих, по мнению автора, заключалась в «некультурности». У них не было вкуса к интеллигентным развлечениям – театру, танцам, музыке, чтению. Забегая вперед, скажем, что об этом же писали борцы с пьянством в 1920-е гг. Отсутствие культурной альтернативы подчас не оставляло пролетарию иного способа отдохнуть, как пойти в кабак: «После курной избы, после житья в тесноте и нечисти, на чердаках или в подвалах, после томительной казенщины фабричной обстановки, трактир, с его „машиной“, наигрывающей веселые мотивы из опереток, с его дешевым комфортом и гостеприимной угодливостью, с его настойками, „селянками“ и всякими разносолами, для неприхотливого рабочего – своего рода эльдорадо, рай земной, тем более обольстительный, что в нем он чувствует себя как дома, да и в самом деле ни в какие более опрятные, более благородные увеселительные учреждения для простолюдина нет доступа»²¹.

В начале XX в. на проблему обратили внимание и врачи. Именно в Петербурге в 1911 г. открылся первый в мире Экспериментально-клинический институт по изучению алкоголизма. Главный инициатор его создания всемирно известный нейрофизиолог Владимир Михайлович Бехтерев писал о том, что «алкоголь является ядом для всякого живого существа – растений и животных».

В годы Первой мировой войны власть пыталась проводить политику «сухого закона». С 1 ноября в Москве и с 17 декабря 1914 г. в Петрограде действовал абсолютный «сухой закон», запрещавший продажу для питания всех видов алкогольных напитков. В столицах действовали

---

²⁰ Михневич В. Язвы Петербурга: опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 2003. С. 518519.

²¹ Там же. С. 523.

также особые условия отпуска спиртосодержащих веществ для надобностей, не связанных с потреблением внутрь, и меры предупреждения и пресечения правонарушений в области производства, питейной торговли и потребления²².

По мнению О.А. Чагадаевой, запретительные меры действовали как сдерживающий фактор только на фоне мощного патриотического подъема и были вызваны осознанием массами необходимости воздержания во благо Отечества. Примерно к осени 1915 г. в настроениях горожан начинает преобладать усталость от войны, недоверие к власти, вызванное просчетами и неудачами русской армии, что сопровождалось ростом нарушений обязательных постановлений, развитием черного рынка, усилением пьянства²³.

Для жителей Петрограда новый виток в алкогольной политике государства означал, с одной стороны, вынужденное снижение его потребления, а с другой – расцвет подпольных мест продажи и самогонварения. Пьянство из открытого порока становилось скрытым.

---

²² *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы междунар. коллоквиума). СПб., 1999. С. 147–159.

²³ *Чагадаева О.А.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы): автореф. дис... канд. ист. наук. М.: [Б. и.], 2013. С. 29.

Хулиганство – «наносная эпидемия озорничества подонков общества»

В дореволюционной России законодательство не предусматривало преступления, квалифицирующегося как „хулиганство“, хотя был запрет на совершение действий, подпадающих под признаки хулиганства в его современном понимании – буйство, публичное богохульство, нарушение общественного порядка, учинение шума, сопротивление чинам полиции и их оскорбление и проч., наказание за которые было закреплено в ряде нормативных документов²⁴. О хулиганстве как новом виде преступления заговорили в конце XIX в., когда этот заимствованный термин стал активно использоваться в прессе. Дореволюционные авторы видели в нем явление, своей новизной обязанному целому ряду факторов. Чиновники, равно как и представители духовенства, связывали его развитие с упадком религиознонравственных начал. Так, товарищ председателя окружного суда из Гродно М.А. Горановский обвинял Льва Толстого с его проповедью «непротивления злу» и Максима Горького, «который в своих произведениях возвел озорника-хулигана в героя», что всколыхнуло «муть „дна“» – и озорники-хулиганы в революцию 1905 г. из трущоб вышли на улицу²⁵. Протоиерей К.И. Фоменко писал о хулиганстве как о «чем-то демоническом», «полном отрицании общественно-государственного порядка», ведь у преступника даже нет никакой корыстной цели, он хулиганит из удовольствия²⁶. Он полагал, что «хулиганство – это какая-то злая, наносная эпидемия озорничества подонков общества. Это полная разнузданность некоторой части населения Руси. Своевольный, разнузданный хулиган богохульствует, кощунствует, дерзко попирает священные заповеди Божии, законы гражданские. Общественная нравственность для хулигана, озорника – ничто»²⁷. Анализ дореволюционной прессы показывает, что такое поведение понималось как свойственное низшему классу, пугавшее цензovou публику²⁸. Образ и содержание хулиганства, равно как и портрет хулигана, формировались общественным мнением испуганного respectable общества, а не юридической практикой²⁹. К выводу о том, что целью бессмысленной агрессии низов были культурные и состоятельные граждане, пришла и комиссия Министерства внутренних дел, созданная в 1913 г. под руководством А.И. Лыкошина³⁰.

Более умеренные и либеральные специалисты и общественные деятели могли видеть в хулиганстве реакцию на социально-политические трансформации, общественные изъяды, тяжелые условия жизни. При этом его не всегда выделяли в отдельное преступление. В 1913 г. Московский столичный мировой съезд о министерском законопроекте о мерах борьбы с хулиганством пришел к выводу, что «хулиганство есть новое слово, но не новое общественное явление»: «Мировой Съезд полагает, что вошедшее в общее употребление слово „хулиганство“ обнимает собой столь разнородные понятия и представления, что задача дать определение

---

²⁴ См.: Закаряевская А.Н., Гарциев М.А. Развитие хулиганства в уголовном праве Российской империи // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства: сб. ст. междунар. науч. – практ. конференции. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 77.

²⁵ Горановский М.А. Хулиганство и меры борьбы с ним. Гродно., 1913. С. 2.

²⁶ Фоменко К.И. Хулиганство. Киев, 1913. С. 3.

²⁷ Фоменко К.И. Хулиганство. Киев, 1913. С. 1.

²⁸ Торин П.Т. Психология хулиганства (нормативность природы и ненормативность души) // Человек. ги. 2014. № 9. С. 222.

²⁹ Neuberger J. Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersburg Popular Press // Slavic Review. Vol. 48, No. 2 (Summer, 1989). P. 178–179. См. также: Beer D. Blueprints for Change: The Human Sciences and the Coercive Transformation of Deviants in Russia, 1890–1930 // Osiris. Vol. 22, No. 1. The Self as Project: Politics and the Human Sciences (2007). P. 35.

³⁰ Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia. P. 230.

побуждений „хулиганского характера“, удовлетворяющее требованию юридической точности, должна быть признана невыполнимой»³¹.

Современные исследователи видят в качестве основного фактора роста хулиганства в городах дореволюционной России приток неквалифицированных рабочих из деревни, для которых оно стало механизмом адаптации под новые непривычные условия индустриального общества, а также частью процесса классовой самоидентификации, формирования «позитивного самовосприятия»³².

Тезис о деревенском происхождении хулиганства именно как формы досуга заслуживает пристального внимания. Вероятно, оно являлось заданным образцом поведения, унаследованным от деревенских «ватаг». Кроме того, как отмечает С. Адоньева, «социальной задачей молодого мужчины-мужика было завоевание признания в среде мужиков, дабы постепенно быть принятым в состав деревенского схода»³³, то есть ухарство было способом заявить о себе и повзрослеть в глазах окружающих. Справедливости ради стоит отметить, что как в дореволюционной, так и в постреволюционной России хулиганили вовсе не только люмпены, но и представители других слоев общества, подчас вовсе не ассоциирующихся с этой социальной «болезнью».

Ссоры, драки и дебоширства стали неотъемлемой частью городского пейзажа. Конечно, мощным катализатором этого было пьянство. Подавляющее большинство подобных «пощечин общественному вкусу» было следствием влияния винных паров. Некоторые, впрочем, были достаточно безобидными. Вот, например, история одного неудачливого музыканта, крестьянина, приказчика винного погреба: «На второй день Пасхи он вышел на улицу, весел и радостен, с гармоникой в руках, и стал на ней наигрывать, но в самом патетическом пункте игры подбегает городской: „Играть строго воспрещается!..“ Прошел несколько шагов, не стерпел – заиграл, опять городской, третий, четвертый... Малый из себя вышел и, в досаде, изломал свой инструмент на голове которого-то из встреченных стражей. На суде он наивно показал:

– Целый год, как в тюрьме, сидишь в погребе, – на праздниках насилу вырвался погулять, купил себе гармонию, да захотел ее, значит, испробовать на улице, а городской говорит – нельзя. Был я в то время „хвативши“ порядком. Обидно мне стало: потому что эту самую музыку ужасно как люблю и большой охотник на гармонии поиграть.

За оскорбление полицейского чина судья приговорил любителя гармоники к тюрьме»³⁴.

Иногда публика могла заступаться за хулигана. Например, во время одного из гуляний на Марсовом поле некий чиновник подошел к силомеру и спросил, «сколько стоит ударить силомер по башке?». Хозяин аттракциона ответил, что две копейки. «А тебя по рылу?» – спросил чиновник. «Пять копеек». Чиновник, недолго думая, достал требуемую сумму и двинул хозяйина по лицу. Последний осерчал и пожаловался полиции, но публика подтвердила, что такие условия сделки были им самим же и назначены, и не допустила ареста³⁵.

Дебоширством славилась столичная «золотая молодежь», чувствовавшая свою безнаказанность. Так, в середине 1870-х гг. в прессе бурно обсуждались выходки двух друзей-собутельников, гвардейского корнета и выпускника университета. Разъезжая пьяными в коляске, они приставали к прохожим и устраивали драки.

---

³¹ Отзыв Московского Столичного Мирового Съезда о министерском законопроекте о мерах борьбы с хулиганством // Юридический вестник. 1913. Кн. III. С. 235, 231.

³² *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia. P. 232; *Блинов М.Л.* Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 35.

³³ *Адоньева С.* Дух народа и другие духи. СПб., 2009. С. 72.

³⁴ *Михлевич В.* Язвы Петербурга. С. 374.

³⁵ Там же. С. 381.

В хулиганстве были замечены даже уважаемые люди. Так, мировой суд однажды рассматривал дело профессора Петербургской духовной академии, основателя и редактора (с 1875 г.) «Церковного вестника» Андрея Ивановича Предтеченского. Иск на него подала одна жительница Риги, обвинив его в том, что во время спора из-за каких-то денег он «харкнул ей в лицо и надавал тычков». Суд выяснил, что подобные действия были взаимными, поэтому освободил профессора от наказания³⁶.

Встречались и случаи коллективного хулиганства, когда недовольная чем-либо толпа нарушала закон. В 1877 г. пассажиры Царскосельской железной дороги побили нескольких кондукторов, разбили окна и попортили мебель в вагонах. Причиной стала нерасторопность железнодорожной администрации, из-за чего поезд из Павловска опоздал на час, к тому же вагоны были не освещены. Интересно, что публика возвращалась с более чем культурного мероприятия – музыкального вечера.

Другой деревенский обычай, укоренившийся в городе, – драки «стенка на стенку» (в промышленных городах нередко дрались «фабрика на фабрику»). В Петербурге кулачные бои устраивались зимой, на льду Невы и Фонтанки. В них могли принимать участие до нескольких тысяч рабочих. М.И. Пыляев в книге «Замечательные чудаки и оригиналы» описал одно такое сражение: «Лет сорок назад страшный кулачный бой был на берегах Невы зимой, на Малой Охте: здесь дрались охтяне с крющниками Калашниковской пристани. Старожилы Петербурга, я думаю, ещё хорошо помнят эту потеху. На вызов к бою или на „затравку“, как тогда говорили, высылали детей; те задевали детей противников. Любопытные собирались смотреть. После охотники являлись на защиту детей; тут-то и разыгрывалась молодецкая кровь. Избитые дети мало-помалу уходили, а между взрослыми начиналась свалка»³⁷.

Изначально призванные канализировать молодежную агрессию, дать любителям «помахать кулаками» возможность показать свою силу, не причиняя ущерба окружающим, в начале XX в. кулачные бои превратились в заурядные драки, участники которых не гнушались использовать камни и палки.

---

³⁶ Михлевич В. Язвы Петербурга. С. 393.

³⁷ Пыляев М.И. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898. С. 370.

«Являются исключительно притоном для непотребства»

18 ноября 1909 г. в «Биржевых ведомостях» опубликовали заметку «Растлители», где сообщалось про «нехорошую» квартиру в Волынкином переулке (ныне – Волынский пер.), в доме № 4. В ней читателям напомнили, что несколько месяцев тому назад в газетах промелькнула небольшая заметка, в которой рассказывалось, что какой-то неизвестный прилично одетый господин, встретив на Невском проспекте девочку, ученицу школы, увел ее с собой, заманил в роскошную квартиру и там изнасиловал. Теперь газета нашла эту квартиру и ее хозяйку: «Французская гражданка г-жа де-К. является содержательницей этого „института“ из 6 роскошно мебелированных комнат. Доступ в квартиру де-К. имели далеко не все. Посетители проходили через целую сеть очень сложных формальностей. Существовал, например, особый пароль, лишь после произнесения которого гостеприимно открывались двери „института“. Плата за визит также варьировалась, судя по рискованности случая. Иногда 10 р., а иногда и 100 и 150 р.»³⁸. Подобные сообщения были также опубликованы в других городских газетах – «Новое время» и «Копейка».

Французская гражданка де Кроз, на которую пало подозрение, в ответ на публикации написала письмо самому петербургскому градоначальнику Д.В. Драчевскому, в котором взывала к справедливости: «Возведенные на меня злыми лицами вымышленные заметки эти не только являются весьма чувствительными и враждебными ко мне со стороны обывателей в настоящее время, но они останутся в памяти у каждого навсегда, что снять мне такого позора самой с себя в глазах других совершенно невозможно»³⁹. Она обвиняла в слухах бывшую прислугу Антонину Жарковскую, которую она уволила за то, что в квартире постоянно находился ее муж. Про саму квартиру де Кроз писала, что та ей досталась в наследство от мужа, а другие жильцы, которым она сдает комнаты, готовы подтвердить, что никакого борделя нет.

После этого началось полицейское разбирательство, в ходе которого установили что воспитанницы 4-го городского четырехклассного женского училища, которое находилось в этом же доме, действительно подвергались преследованиям со стороны незнакомых мужчин. Заведующая училищем также замечала, что в квартиру де Кроз на короткое время заходят мужчины, и явно склонялась к тому, что там бордель. Оказалось, что у француженки нет определенных занятий, а въехала в эту квартиру она всего год назад и оборудовала отдельные комнаты для «временного пребывания проходящих парочек». В итоге полиция пришла к заключению, что квартира была «исключительно притоном для непотребства», хотя возвращение девочек точно не подтвердилось.

История о роковой француженке оказалась вполне типичной для предреволюционного Петербурга. Именно иностранки, обычно француженки или немки, становились хозяйками притонов для состоятельных людей. Некоторые занимались сводничеством – показывали желающим альбом с фотографиями девушек, из которых можно выбрать любую и договориться о месте и времени встречи. Официально такие сводни часто числились модистками или портнихами.

Бессемейное состояние многих жителей Петербурга, численное преобладание мужчин формировало повышенный спрос на профессиональные сексуальные услуги. Обращение к проституткам стало вполне легальным, хотя и не афишируемым видом досуга.

В царской России проституцию легализовали (хотя параллельно существовал и нелегальный вариант), с 1843 г. существовали официальные дома терпимости, находившиеся под надзором Врачебно-полицейского комитета. Уровень обслуживания и разброс цен в заведениях

---

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 2. Д. 213. Л. 14–14 об.

³⁹ Там же. Л. 10.

были весьма существенными – от роскошного борделя на Потемкинской улице с дорогими (до 25 руб.) девицами до вертепов Сенного рынка, где можно купить потасканную и переболевшую сифилисом проститутку за 30 копеек⁴⁰. Впрочем, под давлением общественного мнения публичные дома постепенно закрывались, и в начале XX в. их осталось всего 32. Потребители вынуждены были искать доступных женщин в ресторанах, трактирах или просто на улицах.

Посетители в отдельном кабинете ночного ресторана (гостиница «Европейская»). Ленинград, 1924 г. (ЦГАКФФД СПб. Гр. 5659)

Местами свиданий с продажными женщинами становились и всякого рода гостиницы. На заседании С.-Петербургского врачебно-полицейского комитета 7 мая 1907 г. в присутствии градоначальника Д.В. Драчевского было заявлено, что «существующие в большинстве гостиниц рестораны с продажей крепких напитков, музыкой и др. увеселениями, при продолжительности торговли до 2 час. ночи, именно способствуют превращению их в притоны для распутных женщин, которые здесь же находят себе спрос со стороны мужчин и отправляются с ними в отдельные номера»⁴¹.

Схожим целям могли служить и рестораны с отдельными кабинетами, городские сады, танцевальные классы, кафешантаны. Значительная часть прислуги также, добровольно или от безысходности, продавала свое тело. В массе своей это были прибывшие из деревень девушки, не знакомые с большим городом и социально незащищенные, чем умело пользовались ловеласы, начиная от «барина» и заканчивая дворником и лакеем. К тому же в фабричной

⁴⁰ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 20–26.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 569 Оп. 12. Д. 18. Л. 2 об.

среде практически нормой были сексуальные домогательства к работницам со стороны рабочих-мужчин и мастеров.

К началу 1917 г. в Петрограде официально зарегистрировали около 20 000 проституток⁴². После Февральской революции легальную проституцию запретили, однако в городе, заполненном солдатами и матросами, спрос оставался высоким.

Проституция не только обеспечивала связанный с сексуальностью досуг, но и формировала определенную среду, в которой находилось место и другим формам девиантного поведения – потреблению алкоголя и наркотиков.

---

⁴² Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 101.

«Спортивный» клуб

Санкт-Петербург был самым богатым городом Империи, а где еще испытывать удачу в картах, как не в центре притока средств со всей страны? Оттого реки и каналы города каждый год становились последним пристанищем для проигравших последние или казенные тысячи, ловкие шулеры богатели за счет нерадивых отпрысков богатых семей, а в психиатрических больницах прототипам пушкинского Германна мерещилась пиковая дама.

Интересной особенностью игры в карты в дореволюционном Петербурге являлось то, что очень часто клубы и общества, в которых она велась, официально назывались спортивными. Эта лазейка давала прекрасное официальное прикрытие азарту. В частности, руководство Санкт-Петербургского общественного собрания любителей автомобильно-велосипедного спорта аргументировало игру следующим образом: «У любого спортсмена наряду с влечением к мотору и велосипеду имеется потребность поиграть и в карты»⁴³. Действительно, во многом азартная игра сходна со спортом, поскольку и в том и в другом случае главная цель состоит в том, чтобы выиграть у соперников.

Карточная игра стала для обществ и клубов надежным средством получения прибыли. Подобные заведения также посещались шулерами и «ничего не имеющим общего с семейным очагом дамским элементом»⁴⁴. Правда, жизнь таких заведений редко была долговечной, городская администрация их периодически закрывала.

Если цензовая публика играла в карты в клубах, то рабочие предавались азарту прямо на заводах и фабриках. Игра в карты настолько распространилась, что ее упоминание встречается практически во всех правилах внутреннего распорядка, которые с 1886 г. принимаются администрацией отдельных предприятий и утверждаются фабричной инспекцией. За «устройство недозволенных игр на деньги (карты, в орлянку и т. п.)» рабочих штрафовали на 25 коп. (правда, этот штраф вдвое меньше, чем за появление на фабрике в нетрезвом виде)⁴⁵.

Периодом взрыва азарта стали 1905–1907 гг., когда всю страну охватила революция. Судя по материалам прессы, в это время многие квартиры превращались в клубы, где играли день и ночь напролет, – таково одно из следствий маргинализации культуры в условиях социально-политических катаклизмов. После Февраля 1917 г. наблюдались схожие процессы – карточные игры стали распространяться даже в довольно солидных заведениях. Так, с 1916 по 1918 г. в Петрограде издавался научно-литературно-художественный журнал «Вешние воды», основателем которого был молодой критик и публицист М. М. Спасовский (1890–1971), впоследствии ставший придворным архитектором персидского шаха Резы Пехлеви, а еще позже эмигрировавший в Австралию. При редакции журнала, в доме на углу Фонтанки и Бородинской улицы, существовало одноименное общество, и 27 апреля 1917 г. нагрянувшие туда милиционеры застали карточную игру, участие в которой принимали не только члены общества, но и посторонние лица⁴⁶

---

⁴³ Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011. С. 60.

⁴⁴ Там же. С. 65.

⁴⁵ Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1981.

⁴⁶ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 193.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.